

Мухаметзянова Лилия Хатиповна

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНИЧЕСКОМ КНИЖНОМ ДАСТАНЕ
ТАТАР О ЛЕЙЛЕ И МАДЖНУНЕ**

Сюжеты романических книжных дастанов берут начало в литературных источниках. Татарскую народную версию дастана о Лейле и Маджнуне автор рассматривает как литературное целое, исполняющее роль связки между индивидуальным и традиционно-типическим началами, на основе приведенных примеров раскрывает фольклорную сущность татарских книжных дастанов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 139-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.512.1 – 131

Филологические науки

Сюжеты романтических книжных дастанов берут начало в литературных источниках. Татарскую народную версию дастана о Лейле и Маджнуне автор рассматривает как литературное целое, исполняющее роль связи между индивидуальным и традиционно-типическим началами, на основе приведенных примеров раскрывает фольклорную сущность татарских книжных дастанов.

Ключевые слова и фразы: романтический книжный дастан; фольклор; литература; рукопись; эпическая традиция; образ; мотив.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, к. филол. н., доцент
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ
lilmuhat@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНИЧЕСКОМ КНИЖНОМ ДАСТАНЕ ТАТАР О ЛЕЙЛЕ И МАДЖНУНЕ©

Дастанные произведения, находящиеся между фольклором и литературой, распространенные в народе в нескольких рукописных вариантах, имеющих общий сюжет, относятся к группе романтических книжных дастанов. Тематика романтических книжных дастанов довольно ограничена, каждый из них, как правило, раскрывает одну тему – тему любви двух влюбленных. Они и по композиции не слишком сложные. В книжных дастанах [4] романтического характера описываются события далекого прошлого, в них не чувствуется свойственная для романа тенденциозность, в произведении нет литературной концепции для раскрытия смысла жизни на примере личной жизни образа-персонажа.

Текст татарских романтических книжных дастанов читателем воспринимается как авторское произведение. Но эти памятники далеки от того, чтобы называться оригинальными произведениями. Они написаны под влиянием письменных литературных традиций на кочующие сюжеты, но в то же время в них велико влияние народной эпической традиции, в своем распространении они имеют вариативность. На примере наиболее полного и объемного варианта романтического дастана «Лейля и Маджнун» в данной статье рассматриваются некоторые традиционно-мифологические мотивы, встречающиеся в татарских книжных дастанах. Рукописный текст найден Ф. Ахметовой среди книг татарского журналиста Б. Шарафа (1883-1943). Он состоит из 32-х листов. Не указаны ни время написания, ни место, ни имя автора-переписчика. На современную графику текст был переведен Б. Урманче и занял свое достойное место в академическом сборнике «Татарское народное творчество» [6, б. 174-206].

Приключения эпического героя, связанные с сюжетом сватовства и женитьбы, у каждого народа считались актуальными и нашли отражение в эпосе. Этот мотив, встречающийся и в романтических дастанах, напоминает сюжет поиска невесты, героической женитьбы в героическом эпосе [2]. В фольклористике известно, что этот сюжет вырос из древнего мифа. Сюжет сватовства присутствует и в «Лейля и Маджнун», и он обогащен мотивом разлуки с любимым.

В одном из стихотворений, рассказывающих о горестной разлуке с Лейлей, Маджнун говорит:

Башым өстендә оясын ләйләк ясаган булса да,

Гәр төшерсә кулагәсен кош хома, ачылыр өмид [6, с. 186]. /

Даже если над головой моей свила гнездо ляйляк, / Если упадет на меня тень птицы хома, появится надежда (*Перевод автора – Л. М.*). «Ляйляк», «хома кошы» – образы, связанные с мифологией. Гнездо, свитое птицей ляйляк (а может «лякляк», что в переводе на русский означает «аист») – это поэтический образ, означающий свалившееся на голову горе. А «кош хома» – «птица счастья». Птица – очень популярный в международной мифологии символ, используется и в татарской мифологии, и фольклоре. Птица хома, хомай – образ, обладающий особенно глубоким мифологическим смыслом.

По мнению многих ученых, между птицей счастья хомай и хорошо известным у древних тюрков образом Умай-алихе есть связь. «Умай – образ, воплощающий в древней тюркской мифологии женское начало, богиня размножения и плодородия. В Орхонских записях, сделанных на камне, желая похвалить мать кагана, использовали сравнение «равная Умай»» [3, б. 145, 152]. И птица хомай известна у древних тюрков как птица, приносящая успех. Считалось, что если на чью-либо голову упадет тень от птицы хомай или она сядет ему на плечо, он будет счастлив [7, б. 148].

То, что в дастане герой надеется быть под тенью птицы Хома (Хомай, Хумай, Хумаюн), – отражение мифологического сознания в произведении. Возможно, что эта мифологическая деталь, встречающаяся в «Лейля и Маджнун», проникла через древний восточный сюжет. Но ни в поэме Низами, ни у других авторов мы этот образ не обнаружили. Поэтому птица хомай и вера в то, что она приносит счастье, в татарскую рукопись могли проникнуть через местные мифологические поверья. Упоминание птицы хомай и в древней тюркской мифологии, и в древних иранских, персидских источниках говорит о сильном влиянии на дастан

«Лейля и Маджнун» тюркской и исламской мифологии. Таким образом, предполагается, что мифологические корни дастана достаточно глубоки.

В «Лейля и Маджнун» налицо пласт исламского влияния и исламской мифологии: упоминание Аллаха, надежда на помощь Аллаха, хадж, совершаемый отцом и сыном, обозначение временных понятий как «ахшамга кадэр» («до молитвы ахшам»), «ахшамнан соң» («после молитвы ахшам»), «кыямэткэчэ» («до судебного дня»), порядок сватовства и женитьбы в соответствии с исламом, и, наконец, мнение о том, что самое большое счастье – то, которое будет обретено на том свете. Истинное соединение Лейли и Маджнуна произошло в другом мире: по исламской мифологии – в раю, а по языческой мифологии – в подземном царстве. Присутствующий во многих восточных эпических письменных памятниках сюжет о противоречии мифологического потустороннего и земного миров в татарском рукописном дастане находит такое вот философское разрешение. Следовательно, исламская мифология составляет верхний слой произведения.

В дастане Лейля, услышав от людей песни Маджнуна о себе, отвечает тоже песней:

Ярабби, дэртэмэ мэдэт дэрманымны күстэр!

Я жэнымны ал, я жэнанымны күстэр!

Ягжуб сыйфатындай күзләрем ачылсын,

Еглатма мине, Йосыф Кэнганыны күстэр [6, б. 201]! /

О Аллах, помоги мне силой! / Или заведи душу, или дай мне увидеть моего возлюбленного! / Раскрой мне глаза, дав увидеть его, / Как Якубу раскрой, показав ему страну, где живет его сын Юсуф (*Перевод автора – Л. М.*).

Если обратим внимание на ответ Лейли, то увидим, как в сюжет Лейля – Маджнун привнесены совершенно чуждые сюжетные элементы. Татарский читатель еще до рукописи «Лейли и Маджнуна» был давно знаком с «Йосыф кыйссасы». Это доказывает то, что в соответствии со своим состоянием Лейля вспоминает событие из жизни Юсуфа. Сюжет, связанный с Юсуфом, татарам был знаком через поэму Кул Гали «Кысса-и Юсуф» [1]; этот же сюжет позднее был распространен в народе в нескольких рукописных народных вариантах, под названием «Йосыф китабы» переходил из рук в руки, исполнялся напевно. В дастане «Лейля и Маджнун» в песне Лейли упоминаются герои именно этого дастана.

Упоминание в одном дастане персонажей других популярных эпических произведений – традиционное явление в средневековых дастанах и поэмах. Например, в рукописи «Шахсенем и Гариб» (вариант М. Юмачикова) по поводу смерти Гариба девушка Акча вспоминает героев Фирдоуси «Шахнаме» Джамшида и Рустама, которые тоже безвременно ушли из жизни. В поэме «Лейли и Маджнун» Низами с целью преподать читателю нравоучение упоминается имя Джамшида из «Шахнаме»:

Стань тем лучом, что согревает мир,

Не для тебя Джамшида пышный пир [5, с. 58].

Таким образом, этот и другие примеры показывают, что такой метод был характерен для средневековых литературных памятников в целом. В татарские книжные дастаны эта традиция пришла именно через письменные поэмы. Знакомый со средневековыми письменными памятниками, поэт, занимаясь эпическим творчеством, при создании нового произведения на местной почве на тот же сюжет пользуется общеизвестными популярными литературными образами, пытаясь увеличить силу воздействия своего произведения. Обращение в татарских дастанах к персонажам литературного произведения подчеркивает тесную связь дастанного творчества у поволжских татар с письменной культурой, служит примером легкого усвоения дастанным творчеством приемов, характерных для авторских произведений. В то же время упоминание в песне Лейли образов Юсуфа, Якуба дает право считать, что татарская версия по сравнению с версиями других народов на этот же сюжет может быть признана как новизна, ибо песен такого содержания не было обнаружено в других версиях, в том числе и в авторских поэмах.

Речь героев в книжном дастане позднего периода также отражает фольклор. Взаимные приветствия Маджнуна и Лейли посредством песен-бейтов представляют собой эпический элемент в форме диалогов, что доказывает влияние традиции тюркского эпоса.

В различных жанрах народного творчества татар, например, при проведении обрядового праздника Науруз, участники вступают в поэтический диалог друг с другом, в праздник Сорэн также имеет место поэтический диалог участников и хозяев; в свадебном фольклоре (песнях-плачах девушки, песенных диалогах родственников со стороны юноши и девушки, песнях «Яр-яр», связанных со свадебным обрядом), игровом творчестве, детском фольклоре и еще в других случаях главным жанрообразующим средством служит объяснение через песню, выражение отношения ко всему окружающему напевной речью.

Такие драматические диалоги можно встретить и в стихотворных беседах между героями дастанного эпоса. Из древних дастанов, например в «Ак кубек», сохранился диалог (эйтеш) Ак Кубека и Мангыша, в «Йиртюшлек» – ответы старухи, встретившейся герою по дороге, стихотворный ответ черной птицы; в «Алыпмамшан» – монолог-обращение Алыпмамшана к женщине по имени Марджансылу, которая возвращается домой с поисков мужа; в более поздний период в «Кур углы» – поэтическая беседа Кур углы с Ага Чаузом. Эта традиция героического эпоса была продолжена и в дастанах более позднего периода, раскрывающих социально-бытовые темы. Следовательно, корни песенных диалогов героев «Лейля и Маджнун», сопровождающихся словами «ответил ему(ей) песней», «сказал(а) глядя на нее(го)», «сказал(а) этот бейт», «сказал(а) песню», «сказал(а) аруз», восходят к фольклорным традициям.

Итак, традиция песенных диалогов в дастане, несомненно, идет от фольклора. Это один из традиционных приемов при создании эпического текста. В то же время содержание ответов Лейли, в которых упоминаются литературно-фольклорные персонажи, говорит о связи текста произведения с индивидуальным письменным творчеством. Проникновение в сюжет дастана персонажей других дастанов – традиция, проникшая в татарский романический дастан из средневековой восточной письменной литературы в более позднюю эпоху и ставшая народным. Индивидуальное творчество и традиционное начало, тесно переплетаясь, нашли отражение в одном произведении. Такое явление в целом характерно для татарских книжных дастанов романического характера, это яркий пример присутствия в книжном дастане литературно-фольклорных элементов. Тесное слияние древнетюркских эпических традиций с литературно-письменными привело к возникновению в татарском романическом дастане своеобразного устойчивого литературно-фольклорного орнамента.

Список литературы

1. Гали К. Йосыф кыйссасы / төзүчесе Н. Хисамов. Казан: Изд-во «Дом печати», 2008. 604 б.
2. Макаров С. С. Мифологические мотивы в олонхо П. А. Ойунского «Нюргун боотур Стремительный» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 108-111.
3. Мэхмүтов Х. Борынгылар эйткэн сүзләр (VIII-XVII йөз төрки-татар ядкаръләрэндә афоризмнар). Казан: Фикер, 2002. 256 б.
4. Мухаметзянова Л. Х. Татарские книжные дастаны: взаимодействие эпического фольклора и литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 143-145.
5. Низами Г. Собрание сочинений: в 5-ти т. / пер. с фарси Т. Стрешневой. М.: Худож. лит., 1986. Т. 3. Лейли и Меджнун. 366 с.
6. Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 382 б.
7. Урманче Ф. Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Т. 3. (С – Я). 199 б.

MYTHOLOGICAL AND EPIC MOTIVES IN THE ROMANTIC WRITTEN DASTAN OF THE TATARS ABOUT LEILA AND MADZHUN

Mukhametzyanova Liliya Khatipovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
lilmuhat@mail.ru

The subjects of the romantic written dastans originate in the literary sources. The author considers the Tatar folk version of the dastan about Leila and Madzhnun as a literary whole performing the role of a connector between the individual and traditional typical principles. The researcher on the basis of the presented examples reveals the folkloric essence of the Tatar written dastans.

Key words and phrases: romantic written dastan; folklore; literature; manuscript; epic tradition; image; motive.

УДК 82.512.1–131

Филологические науки

Автор разрабатывает новую концепцию по отношению к жанру эпоса и его доминирующей разновидности в татарском народе, рассматривает вопросы, связанные с участием индивидуальных и традиционно-фольклорных начал в книжном виде жанра дастан, в свете современных представлений о книжном эпосе делает некоторые теоретические обобщения относительно характера татарского книжного дастана.

Ключевые слова и фразы: фольклористика; проблема; книжный эпос; дастан; фольклорный жанр; татарское народное творчество; эпическая традиция.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, к. филол. н., доцент
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
lilmuhat@mail.ru

ПОНЯТИЕ «КНИЖНЫЙ ЭПОС» В МИРОВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И ТАТАРСКИЕ КНИЖНЫЕ ДАСТАНЫ©

Книжный эпос, в котором в различной степени нашли отражение индивидуальное творчество и традиционное эпическое творчество, является одной из важных разновидностей многогранного жанра эпоса [9]. Что же входит в эту категорию, и в какой степени проблема книжного эпоса исследована учеными, занимающимися мировым эпосом?